

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

Лохманов Д.В.

«ДЕЛО ЭНГЕЛЯ» КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация: Предметом статьи является исследование материалов практики рассмотрения уголовных и административных дел в Европейском суде по правам человека. Особое место в ней занимает прецедент, сформулированный в «деле Энгеля», на основе которого решается вопрос о разграничения уголовных преступлений и административных проступков. На основе «дела Энгеля» были пересмотрены решения российских судебных инстанций, что актуализировало вопрос об оптимизации уголовных и административных наказаний, содержащихся в особенных частях УК РФ и КоАП РФ. Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись общеправовые, теоретические, общеправовые методы (диалектика, системный метод, анализ, синтез, аналогия, дедукция, наблюдение, моделирование), традиционно правовые методы (формально-логический), а также методы, используемые в конкретно-социологических исследованиях (статистические, экспертные оценки и др.), компаративистский (сравнительный). Основной вывод, который сделан по итогам исследования, состоит в том, что в настоящее время для эффективной оптимизации уголовных и административных санкций в финансово-экономической сфере необходим комплексный подход, основанный на учёте практики Европейского суда по правам человека и сформировавшихся доктринальных положений о юридической ответственности в национальной системе права. Новизна статьи заключается в разработке предложений по использованию практики Европейского суда по правам человека, в частности «дела Энгеля» для разграничения системы уголовных и административных санкций. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета на 2015 год. Статья написана с использованием СПС «Консультант».

Ключевые слова: Санкция, законодательство, сфера, штраф, экономика, административная преюдиция, прецедент, совершенствование, анализ, практика.

Review: The research subject is the study of judicial practice of the European Court of Human Rights. The case of Engel precedent serves as a basis for differentiating between criminal and administrative offences. The case of Engel serves as a basis for reconsidering the decisions of Russian courts thus actualizing the issue of

optimization of criminal and administrative offences, provided in special parts of the Criminal Code and the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. The research methodology comprises the recent achievements of epistemology. The author applies general philosophical and theoretical methods (dialectics, the systems method, analysis, synthesis, analogy, deduction, observation, and modeling), traditional legal methods (formal-logical), and the methods of specific sociological research (statistical, expert assessments, etc.). The author concludes that at present, in order to efficiently optimize criminal and administrative sanctions in financial and economic sphere it is necessary to apply the complex approach, based on the practice of the European Court of Human Rights and the formed doctrine provisions about legal liability in the national system of law. The novelty of the research lies in the proposals about using the practice of the European Court of Human Rights, particularly, the case of Engel, for differentiating the system of criminal and administrative sanctions. The article is prepared within the government task of the Financial University for 2015. The article is written using the "Consultant" system.

Keywords: *Improvement, precedent, administrative prejudice, economics, penalty, sphere, legislation, sanction, analysis, practice.*

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета на 2015 год.

Статья написана с использованием СПС «Консультант»

Влияние международного права на национальное административное законодательство

Серьезное влияние на сферу административной ответственности оказывают общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ они являются составной частью российской правовой системы и правила международного договора Российской Федерации имеют приоритет по отношению к актам российского законодательства.

Эти основополагающие начала Конституции РФ были учтены при подготовке КоАП РФ, ч. 2 ст. 1.1 которого гласит: «Настоящий Кодекс основывается на

Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, то применяются правила международного договора». Не претерпевает данная норма изменений и в Проекте Федерального закона N 703192-6 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (Общая часть)» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.01.2015). В связи с этим изучение вопросов административной ответственности невозможно без учета международных правовых актов, при-

знанных Российской Федерацией и интегрированных в ее правовую систему.

В монографии Панковой О.В. «Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях» проанализирован широкий спектр международно-правовых актов, связанных с рассмотрением административных дел, и, кроме того была исследована практика рассмотрения административных дел в Европейском суде по правам человека [3].

Автор отмечает, что среди международных правовых актов особое место занимает *Конвенция о защите прав человека и основных свобод* от 4 ноября 1950 г., ратифицированная Россией 5 мая 1998 г. Данный акт является важнейшим документом, на котором базируется вся европейская правозащитная система. Европейская конвенция разрабатывалась и применялась без учета специфики российского права, ее нормы получают свое развитие и детализацию в решениях Европейского суда по правам человека (далее – Европейский суд).

В настоящее время существует реально работающий механизм международно-правового контроля за соблюдением правил Конвенции. Таким образом, нарушение норм Конвенции и прецедентной практики Европейского суда может повлечь за собой международно-правовые санкции в отношении Российской Федерации.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепляет процессуальные гарантии прав человека и гражданина при применении мер публично-правовой ответственности. Как отмечает Панкова О.В.: «Несмотря на то, что по тексту Конвенции все эти гарантии относятся к сфере уголовных

(материальных и процессуальных) правоотношений, в решениях Европейского суда их действие распространяется на большинство административных правонарушений. Подобный подход обусловлен формированием в Европе новой доктрины «уголовной сферы», которая охватывает уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и административные правоотношения, в том числе отношения административной ответственности.

Это понятие связано с толкованием «уголовного обвинения» в ст. 6 Европейской конвенции, которая предусматривает право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и гласность судебного разбирательства как по гражданским делам, так и при рассмотрении уголовного обвинения. Кроме того, только по уголовным делам гарантируются презумпция невиновности, право обвиняемого на ознакомление с обвинением, право на защиту, на участие в вызове и допросе свидетелей и право на бесплатную помощь переводчика.

На этом основании Европейский суд каждый раз убеждается в том, чтобы в целях применения ст. 6 Конвенции административное правоотношение в национальном праве никоим образом не заменяло уголовное. В этом смысле «специализация» юридической ответственности во внутригосударственном законодательстве никакого значения для Европейского суда не имеет» [3].

Как отмечается в ежегоднике Европейской конвенции по правам человека, в поле зрения ЕСПЧ есть масштабные – общеевропейские – проблемы, среди которых и толкование «уголовно-

го обвинения». По всему спектру проблем существует огромное число прецедентов, но Европейский суд из года в год повышает планку требований к соблюдению заложенных в ст. 6 принципов [16].

Отсюда возникает вопрос о том, как Европейский суд определяет считается ли конкретное «обвинение», выдвинутое государством и носящее административный характер, в то же самое время уголовным для целей ст. 6 Конвенции?

«Дело Энгеля»: прецедент для разграничения уголовных и дисциплинарных дел

Ответ на данный вопрос можно найти в судебной практике Европейского суда. В основополагающем решении по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (1976 г.) по вопросу о разграничении дисциплинарной процедуры, не охватываемой ст. 6 Конвенции, и уголовного обвинения Европейский суд пришел к выводу [1, 18, 19], что «характер процедуры по внутреннему праву не может иметь решающего значения по вопросу применимости ч. 1 ст. 6 Конвенции, так как в противном случае национальные власти могли бы уклониться от налагаемых этой статьей обязательств путем введения дисциплинарных процедур в отношении преступлений, которые по своей природе и характеру санкций являются или могут стать частью уголовного права» [4]. По этому делу были названы три критерия (известные также как «критерии Энгеля»), позволяющие отграничить «уголовную сферу» от взысканий, к ней не относящихся:

1. классификация правонарушения в национальном праве;

2. природа преступления;

3. природа и строгость наказания [17].

Европейский суд указывает, что первый критерий не является основополагающим и может учитываться только в том случае, если деяние не будет являться преступлением по своей природе, но рассматривается в качестве уголовного преступления в национальном праве. Вторым критерием, отражающим сферу применения нарушаемой нормы, является гораздо более важным фактором. Если действия (бездействие) лица противоречат правовой норме, которая имеет универсальный характер и направлена на защиту общего интереса, – это преступление; если же норма относится только к определенной, ограниченной дисциплинарной властью группе, то речь идет о дисциплинарном проступке (если и характер санкций дисциплинарный, а не уголовный).

Контроль Европейского суда окажется формальным, если не будет учитываться степень суровости наказания, которому обвиняемый рискует подвергнуться. В обществе, где действует принцип верховенства права, такие наказания, как, например, лишение свободы, отнесены к «уголовной» сфере, за исключением тех, которые по своему характеру, продолжительности или способу исполнения не могут считаться наносимыми ощутимый ущерб.

Эволюция «Дела Энгеля»: прецедент становится универсальным

Дальнейшее развитие три «критерия Энгеля» получили путем распространения «уголовной» сферы на административные правонарушения. Как верно отмечает Панкова О.В., с точки

зрения Европейского суда такие правонарушения по своей природе относятся к нарушению норм универсального характера, т.е. к «уголовной» сфере [3].

В частности, в решении по делу «Адольф против Австрии» Суд обратил внимание на необходимость «автономного» понимания «уголовного обвинения» в контексте Конвенции, а не на основе внутреннего права и пришел к выводу, что «ненаказуемые или ненаказанные уголовные преступления существуют, и ст. 6 Конвенции не делает различия между ними и другими уголовными преступлениями» [5]. Адольф, по мнению Европейского суда, был признан виновным в малозначительном преступлении, которое в соответствии с правом Австрии не влечет уголовной ответственности (в действительности дело было прекращено, и в качестве «обвинения» Адольф обжаловал постановление о прекращении дела). Суд по правам человека не счел это постановление нарушением презумпции невиновности и отказал в жалобе, однако однозначно отнес такие преступления к *matiere penale* (доктрина «уголовной сферы»). Данное дело представляет интерес в связи с отечественным институтом освобождения от уголовной ответственности.

В другом деле – «Оцтюрк против Германии» – к «уголовной» сфере были отнесены германские административные проступки [6]. Оцтюрку, являющемуся гражданином Турции и проживающему на территории Германии, не было обеспечено право на бесплатное предоставление переводчика по делу об административном правонарушении в области дорожного движения. Представитель ФРГ возражал против отнесения данного правонарушения к

«уголовной» сфере, но Европейский суд посчитал иначе.

Европейским судом применительно к административным правонарушениям были выдвинуты те же критерии «уголовной» сферы, что и к дисциплинарным проступкам по делу Энгеля. В данном деле ЕСПЧ сформулировал их так: «Во-первых, надо выяснить, принадлежит ли нормативный правовой акт, устанавливающий ответственность за данное правонарушение, к уголовному праву во внутригосударственной правовой системе государства-ответчика. Во-вторых, следует определить природу правонарушения и, наконец, в-третьих, характер и степень суровости наказания, которое понесет лицо в случае признания его виновным».

Европейский суд руководствуясь именно этими критериями, обратил внимание на то, что правонарушения по уголовному праву имеют тенденцию становиться правонарушениями, за которые налагаются различные виды наказания, обычно состоящие из штрафов и наказаний в виде лишения свободы. При этом указал, что в значительной части государств – участников Конвенции нарушение, совершенное заявителем, продолжает квалифицироваться как уголовное. Суд также отметил, что штрафная санкция, подлежащая применению в данном деле, в размере 60 марок не потеряла своего репрессивного характера в ходе реформ, являясь характерным признаком уголовных наказаний.

На этом основании ЕСПЧ решил, что общей направленности применимой нормы и цели наказания достаточно для того, чтобы оспариваемое правонарушение приобрело «уголовную» природу в целях применения ст.

6 Конвенции. Тем самым он вновь подтвердил «автономность» термина «уголовный» в том смысле, в котором он понимается в Конвенции.

Далее, как отмечает Панкова О.В., говоря о степени серьезности правонарушения, совершенного заявителем, суд признал ее незначительной для целей квалификации. В то же время, он обратил внимание на то, что относительно мягкое наказание не может избавить преступление от изначально «уголовного» характера, подчеркнув, что «если бы государствам было разрешено изъять из-под действия Конвенции целый ряд правонарушений только на основании того, что они малозначительны, то возникло бы противоречие с целями и задачами ст. 6 Конвенции». На основании изложенного Европейский суд посчитал, что заявитель по данному делу был «обвиняемым» в смысле ст. 6 Конвенции [3].

В решении по делу «Лутц против Германии» в 1987 г. Европейский суд уточнил свою позицию, отметив, что «для применения ст. 6 Конвенции достаточно, чтобы рассматриваемое нарушение было «уголовным» по своей природе или подвергало заинтересованное лицо риску понести наказание, которое по своему характеру и степени тяжести могло быть приравнено к «уголовному» [7]. Тем самым Европейский суд заложил понимание того, что второй и третий «критерии Энгеля» являются альтернативными и не обязательно должны дополнять друг друга. Но в случае, когда отдельный анализ каждого критерия не позволяет прийти к четкому выводу о существовании уголовного обвинения, возможность применения кумулятивного подхода не исключается [3].

Так, по делу «Банденун против Франции», которое касалось наложения штрафа за уклонение от уплаты налогов, Европейский суд отмечает верховенство четырех факторов, придающих «обвинению» «уголовный характер»:

1. Вменяемые в вину факты подпадали под действие общего кодекса, относящегося ко всем гражданам как налогоплательщикам, а не к определенной группе лиц, наделенных особым статусом, который предписывает им определенное поведение под угрозой наказания.
2. Увеличение суммы налога имеет своей целью не денежное возмещение причиненного вреда, а главным образом, наказание во избежание повторения подобных деяний.
3. Это увеличение основано на общих нормах превентивно-репрессивного характера.
4. Увеличение суммы налога было весьма значительным (422.534 французских франка для заинтересованного лица и 570.398 франков для его компании), а в случае неуплаты г-н Банденун рисковал быть приговорен судебным учреждением по уголовным делам к обращению взыскания на его личность.

Одним словом, производство по делу г-на Банденуна и его общества имело уголовный характер с точки зрения Ст. 6-1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [8].

Данные факторы Европейский суд посчитал достаточными для оценки обстоятельств по делу по второму и третьему «критерию Энгеля». При этом ни один из них не был воспринят как единственно решающий, что позволило Суду применить комплексный подход

при уяснении правовой природы правонарушения. Применение кумулятивного подхода не исключено в случае, когда отдельный анализ каждого критерия не позволяет прийти к четкому выводу о существовании уголовного обвинения.

В практике Европейского суда имеются и другие примеры, в которых вопрос о разграничении административной и уголовной сферы был решен именно таким образом. Так, в деле «Яношевич против Швеции» (Janosevic v. Sweden), [12] Европейский суд не ссылаясь на дело «Банденун против Франции» или примененный в нем подход, но непосредственно использовал упомянутые выше «критерии Энгеля». Вывод Суда об «уголовном» характере налогового проступка был сделан исходя из суровости фактического и возможного наказания (заявителю был назначен штраф в размере 161261 шведской кроны, что соответствовало 17284 евро, при том, что верхний порог штрафа во внутригосударственном законодательстве отсутствовал) [14, 9, 13, 10, 11].

Однако в последующем деле «Морель против Франции» аналогичное по своей сути нарушение не было признано уголовным на том основании, что штраф, исчисляемый в размере 10% от неуплаченной суммы налога, составил 678 евро. По мнению Суда, такой штраф является «не слишком высоким» и «относительно не достаточно серьезным» для классификации в качестве уголовного наказания. Указанное решение, вынесенное на основании дела «Банденун против Франции», а не «критериев Энгеля» придало особую значимость фактору тяжести наказания в ущерб прочим факторам, в том числе сущности самого обвинения. В этом смысле дело «Мо-

рель против Франции» является исключением среди других упомянутых прецедентов, поскольку основывает неприменимость ст. 6 Конвенции лишь на несущественности наказания, в то время как иные критерии (общее применение, превентивный и карательный характер наказания) здесь явно присутствуют.

В последующем Европейский суд все же придерживался мнения о том, что небольшой размер штрафа, установленный за административное правонарушение, не дает оснований для исключения его из уголовной сферы.

Нельзя не отметить, что в соответствии с прецедентным правом Европейского суда нормы Конвенции, в частности ее ст. 6, распространяются как на физических, так и на юридических лиц. Это особенно важно, если учесть, что в российском праве субъектами административных правонарушений признаются не только граждане, но и организации.

Влияние «Дела Энгеля» на пересмотр решений судов Российской Федерации в Европейском суде по правам человека

Ярким примером тому может служить дело «ООО «Несте Санкт-Петербург» и другие против Российской Федерации», когда группа российских компаний обжаловала незаконность привлечения их к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства [15].

Как усматривается из материалов дела, в 1999 г. заявители были оштрафованы на основании действовавшего в то время Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. N 948-1 «О конкуренции и

ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» за повышение цен на бензин путем предварительного сговора и на них была возложена обязанность выплатить в казну доход, полученный вследствие совершения данного правонарушения. При этом в отношении менеджеров компаний было возбуждено уголовное дело по ст. 178 «Монополистические действия и ограничение конкуренции» УК РФ (название статьи приводится в действовавшей на тот момент редакции).

Суды апелляционной и кассационной инстанций подтвердили наличие в действиях компаний состава правонарушения. Не согласившись с решениями судов, заявители обратились в Европейский суд, ссылаясь на нарушение ст. 6 Конвенции. При этом они указывали на то, что в целях применения этой статьи предъявленное им обвинение носило уголовный характер. В обоснование своей позиции компании исходили из следующего:

во-первых, правонарушение было признано «уголовным» согласно праву государства-ответчика, поскольку наказание за него было предусмотрено ст. 178 УК РФ;

во-вторых, российский Закон о конкуренции регулировал отношения конкуренции на российском рынке. Соответственно, целью антимонопольного разбирательства была защита общего интереса, что является чертой, свойственной уголовному праву. Указанный Закон применялся в отношении неограниченного круга лиц и не был узкоспециальным;

в-третьих, нарушения данного Закона предусматривали суровые санкции: гражданско-правовые, административные и уголовные, которые имели как

предупредительный, так и карательный характер.

Однако Европейский суд не согласился с мнением заявителей, посчитав, что нарушения антимонопольного законодательства не относятся к «уголовной» сфере. Причем вывод Суда по данному делу был основан на «критериях Энгеля»:

1) квалификация в национальном праве. Европейский суд не согласился с компаниями-заявителями в том, что разбирательство по делу носило уголовный характер, приняв во внимание два обстоятельства: а) согласно УК РФ только физические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности; б) сами компании-заявители не ставят вопроса о том, что они преследовались согласно нормам УК РФ;

2) характер правонарушения. Раскрывая сущность данного критерия в рассматриваемом деле, Европейский суд отметил следующее:

1. Закон о конкуренции применяется только к отношениям, которые влияют на конкуренцию на товарных рынках (ст. 2), поэтому его действие носит ограниченный, не общий характер;

2. Полномочия антимонопольных органов направлены на предотвращение нарушений в сфере конкуренции и ее восстановление в случае подобных нарушений. По мнению Суда, не нашел своего подтверждения довод о том, что основной целью соответствующего разбирательства является наказание либо ограничение прав нарушителей. Даже с учетом того, что п. 4 ст. 12 Закона о конкуренции дает право антимонопольным органам устанавливать административные санкции, из ст. 23 Закона о конкуренции следует, что эти санкции устанавливаются за препятствование

расследованию, проводимому представителями власти, и не являются наказанием за существенные нарушения в антимонопольной сфере;

3. Согласно п. 4 ст. 6 Конвенции некоторые виды монопольного поведения могут быть разрешены государством, если они отвечают общему благу. Очевидно, что уголовно наказуемое поведение обычно не может быть оправдано таким прагматичным аргументом;

4. Свобода рыночной конкуренции представляет собой относительную, зависящую от конкретных обстоятельств ценность, и вмешательство в нее само по себе не является неправильным;

3) суровость возможного наказания. Европейский суд подчеркнул, что Закон о конкуренции, на основании которого были предъявлены претензии компаниям-заявителям, сам по себе не предусматривает каких-либо специальных санкций. Тем не менее нарушители должны подчиняться предписаниям, издаваемым органом, уполномоченным в этой сфере. Такие предписания варьируются от простого предупреждения о необходимости прекратить монополистическую деятельность до принудительного раздела компании. По мнению Европейского суда, эти государственные полномочия относятся к регулирующей сфере. К ней суд также отнес конфискацию незаконно полученных доходов, которой были подвергнуты компании-заявители. Как указал суд, соответствующее постановление скорее служит целям получения денежной компенсации за причиненный вред, нежели является наказанием, предупреждающим повторное совершение нарушения.

На основании изложенного Европейский суд пришел к выводу, что на-

рушение антимонопольного законодательства, совершенное заявителями, не относится к «уголовной» сфере.

Приведенный пример убедительно доказывает, что при определении «уголовной» природы правонарушения особенности его квалификации во внутрисударственном праве и статус заявителя (юридическое или физическое лицо) принципиального значения для Европейского суда не имеют.

**«Дело Энгеля»
как отражение общеевропейской
тенденции квалификации
противоправных деяний**

Изучение Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда в части административных правонарушений позволяет сделать выводы, что Конвенция позволяет государствам сохранять или устанавливать различие между уголовным и административным правом. В силу этого позиция Европейского суда не означает принципиального неприятия им административных правонарушений. Однако в свете Европейской конвенции большинство таких нарушений все равно остаются в «уголовной» сфере. Подходы Европейского суда к пониманию сущности административных правонарушений оказывают влияние, прежде всего, на процессуальную сторону осуществления государственно-властных полномочий в контексте публичного обвинения, т.е. на порядок производства по делам, связанным с привлечением к административной ответственности. В этом смысле квалификация административных правонарушений, осуществляемая Европейским судом, ограничивается решением

вопроса о принадлежности их к «уголовной» сфере для целей применения ст. 6 Конвенции.

Как следует из анализа Панковой О.В. и материалов судебной практики ЕСПЧ, российское законодательство об административных правонарушениях и правоприменительная практика должны подчиняться требованиям ст. 6 Европейской конвенции. Но следует также отметить последовательно проводимую в решениях позицию, что квалификация административных правонарушений в собственном смысле этого слова, Европейским судом не производится, т.к. суд не склонен (без достаточного на то основания) ставить под сомнение факты, установленные национальными судами.

Как отмечает А.Б. Зеленцов в зарубежных странах такие деяния, как, например, правонарушения против собственности, окружающей среды, в области торговли и финансов, сельского хозяйства, транспорта, дорожного хозяйства и связи, общественного порядка, которые Особенной частью КоАП РФ признаются административными правонарушениями, считаются преступными посягательствами и преследуются в судебном порядке с помощью уголовного правосудия [2]. К тому же стоит отметить, что во многих зарубежных странах нет четкого разграничения уголовного и административного права, а также между понятиями «преступление» и «административное правонарушение».

В контексте собственно российских проблем изучение мировой практики показывает, что деление противоправных посягательств на преступления и административные правонарушения весьма условно. В частности, об этом

свидетельствует тот факт, что по своей социальной значимости многие деяния, включенные в УК РФ и КоАП РФ, стоят на грани преступлений и правонарушений, причем в ряде случаев границы между ними размыты. Однако, что касается российской юридической традиции, то для неё характерен такой критерий разграничения административных проступков и уголовных преступлений, как общественная опасность или общественная вредность. Что является наиболее опасным для общества, решает само общество и законодатель в каждый конкретный исторический период. Данный критерий уникален для Российской Федерации и не учитывается в практике ЕСПЧ. Как показывает мировая практика разграничение между проступками и преступлениями проводится по двум основным критериям: по характеру санкций, устанавливаемых в зависимости от тяжести наказания, и по порядку рассмотрения этих дел в суде. В то же время следует отметить схожесть подходов к квалификации административных правонарушений и уголовных преступлений в европейском и национальном законодательстве.

«Дело Энгеля» как потенциальный фактор декриминализации уголовных преступлений в российском уголовном праве

Таким образом, проанализированный судебный материал показывает, что российская система права, основанная на жёстком разграничении отраслей права в зависимости от предмета правового регулирования, и, как следствие, выделении самостоятель-

ных видов уголовной и административной ответственности, резко контрастирует с правовыми системами западноевропейских государств, в которых отсутствует чёткая градация на уголовные преступления и административные проступки. С формальной точки зрения «критерии Энгеля» не противоречат российской правовой доктрине классификации противоправных правонарушений на преступления и проступки. По сути, первый «критерий Энгеля» – классификация правонарушения в национальном праве является основополагающим столпом российской системы права, которая в качестве одного из важнейших признаков правонарушения рассматривает его формально-определённый характер, то есть юридическую фиксацию как правонарушения в нормативных правовых актах.

Однако интерпретация данных критериев Европейским судом вступает в противоречие с действующей в российском законодательстве системе противоправных деяний. Так, наиболее противоречивым с позиций логического толкования выглядит «второй критерий Энгеля» – «природа преступления», в соответствии с которым определённые составы адми-

нистративных правонарушений по своей природе могут быть отнесены к нарушению норм универсального характера, т.е. к «уголовной» сфере.

Кроме того, нельзя не отметить, значительную эволюцию «критериев Энгеля» в практике Европейского суда. В 1987 году при рассмотрении дела «Лутц против Германии» Европейский суд отметил альтернативный характер второго и третьего «критериев Энгеля» и особо подчеркнул, что они не обязательно должны дополнять друг друга. Это позволило вынести по ряду дел решения, которые исключали деяния из «уголовной сферы» на основании небольшого размера штрафа, не позволяющего, по мнению судебной инстанции, отнести правонарушение к уголовной сфере.

В дальнейшем, при рассмотрении дел возобладал комплексный подход к принятию решений, который предполагает оценку ситуации на основе сочетания «второго и третьего критериев Энгеля».

Таким образом, проиллюстрированный пример показывает декриминализирующий характер «критериев Энгеля» применительно к решениям, вынесенным национальными судебными инстанциями.

Библиография:

1. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 232;
2. Зеленцов А.Б. Конфликты в управлении и управление конфликтами. М., 2001.
3. Панкова О.В. Рассмотрение в судах общей юрисдикции дел об административных правонарушениях» / под ред. О.А. Егоровой, М.: «Статут», 2014, 440 с.
4. Постановление Европейского суда по правам человека от 08.06.1976 «Энгель (Engel) и другие против Нидерландов» [рус. (извлечение), англ.] // СПС КонсультантПлюс
5. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Адольф против Австрии» (Adolf v.Austria) от 26 марта 1982 г., Series A, N 49, p. 15 / <http://european-court.ru/>
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 1984 года (жалоба N 8544/79) Озтюрк против Германии (Ozturk v.Germany) / <http://european-court.ru/>
7. Постановление Европейского суда от 25 августа 1987 г. по делу «Лутц против Германии» / <http://european-court.ru/>

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 февраля 1994 года (жалоба N 12547/86) по делу «Банденун против Франции Bendenoun v. France, 24 February 1994, § ..., Series A no. 284 / <http://european-court.ru/>
9. Постановление Европейского суда от 10 июня 1996 г. по делу «Бенхэм против Соединенного Королевства» // <http://european-court.ru/>
10. Постановление Европейского суда от 24 сентября 1997 г. по делу «Гарифаллу АЕБЕ против Греции» / <http://european-court.ru/>
11. Постановление Европейского суда от 2 сентября 1998 г. по делу «Лауко против Словакии» // / <http://european-court.ru/>
12. Постановление Европейского суда, жалоба N 34619/97, ECHR 2002-VII / <http://european-court.ru/>
13. Постановление Европейского суда по делу «Вястберга Такси Актиеболаг» и Вулич против Швеции» ({Vastberga} TaxiAktiebolagandVulic) от 23 июля 2002 г., жалоба N 36985/97/ <http://european-court.ru/>
14. Постановление Европейского суда от 23 июля 2003 г. по делу «Яношевич против Швеции» / <http://european-court.ru/>
15. Решение Европейского суда от 3 июня 2004 г. по вопросу приемлемости жалобы «ООО «Несте Санкт-Петербург» и другие против Российской Федерации» // СПС «Консультант».
16. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) / Д.В. Афанасьев, М. Визентин, М.Е. Глазкова и др. М.: Статут, 2015. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права. 608 с.
17. Delmas-Marty M. Les grands systemes de politique criminelle. Paris, 1992. P. 32-44; van Dijk P. Op. cit. P. 363-370.
18. Van Dijk P. Access to Court // The European System for the Protection of Human Rights. Dordrecht, 1993. P. 363;
19. Van Dijk P., van Hoof G.S.H. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. Deventer, Boston, 1990. P. 310.
20. Административная юрисдикция в финансовой сфере. Монография / Р.Э. Байтеряков, Д.В. Карпухин, М.В. Комиссарова и др.; под ред. М.А. Лапиной. – М.: Палеотип, 2015. – 271 с.
21. Лапина М.А., Карпухин Д.В. Применение мер государственного принуждения как самостоятельный вид административно-юрисдикционного производства // Финансовое право и управление. – 2015. – № 2. – С. 261-266. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15846
22. Лохманов Д.В. К вопросу о возможных мерах принуждения за нарушение Федерального закона «О финансовом уполномоченном по правам потребителей услуг финансовых организаций» // Финансовое право и управление. – 2015. – № 2. – С. 235-239. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.1579
23. Лапина М.А. О необходимости систематизации мер государственного принуждения в законодательстве российской федерации // Финансовое право и управление. – 2015. – 2. – С. 114 – 119. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15647.
24. Эскиндаров М.А. Систематизация мер государственного принуждения как фактор устойчивого развития финансово-экономической деятельности // Финансовое право и управление. – 2015. – 2. – С. 110 – 113. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15639.

References (transliterated):

1. Gom'en D., Kharris D., Zvaak L. Evropeiskaya konventsiya o pravakh cheloveka i Evropeiskaya sotsial'naya khartiya: pravo i praktika. M., 1998. S. 232;
2. Zelentsov A.B. Konflikty v upravlenii i upravlenie konfliktami. M., 2001.
3. Pankova O.V. Rassmotrenie v sudakh obshchei yurisdiktsii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh" / pod red. O.A. Egorovoi, M.: "Statut", 2014, 440 s.
4. Delmas-Marty M. Les grands systemes de politique criminelle. Paris, 1992. P. 32-44; van Dijk P. Op. cit. P. 363-370.

5. Van Dijk P. Access to Court // The European System for the Protection of Human Rights. Dordrecht, 1993. P. 363;
6. Van Dijk P., van Hoof G.S.H. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. Deventer, Boston, 1990. P. 310.
7. Lapina M.A., Karpukhin D.V. Primenenie mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya kak samostoyatel'nyi vid administrativno-yurisdiktsionnogo proizvodstva // Finansovoe pravo i upravlenie. – 2015. – № 2. – S. 261-266. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15846
8. Lokhmanov D.V. K voprosu o vozmozhnykh merakh prinuzhdeniya za narushenie Federal'nogo zakona «O finansovom upolnomochennom po pravam potrebiteli uslug finansovykh organizatsii» // Finansovoe pravo i upravlenie. – 2015. – № 2. – S. 235-239. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.1579
9. Lapina M.A. O neobkhodimosti sistematizatsii mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya v zakonodatel'stve rossiiskoi federatsii // Finansovoe pravo i upravlenie. – 2015. – 2. – С. 114 – 119. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15647.
10. Eskindarov M.A. Sistematizatsiya mer gosudarstvennogo prinuzhdeniya kak faktor ustoichivogo razvitiya finansovo-ekonomicheskoi deyatel'nosti // Finansovoe pravo i upravlenie. – 2015. – 2. – С. 110 – 113. DOI: 10.7256/2310-0508.2015.2.15639.